

Н.Н. Щербакова
Омск

Использование сведений об истории русского языка и языковой игре как средство воспитания лингвокреативной языковой личности

Все современные школьные программы по русскому языку говорят о необходимости формирования у школьников представления о языке как о развивающемся явлении. Как представляется, это требование актуализировалось в конце XX – начале XXI столетия в связи с широким распространением явления, которое А.А. Зализняк назвал «любительской лингвистикой» [Зализняк 2010]. Развитию подобных «исследований» способствует противоречие между наличием интереса к истории языка у его носителя и отсутствием в школьном курсе русского языка сколько-нибудь системного освещения его происхождения и эволюции. Именно отсутствие системности в изложении исторических сведений – главная причина легковерного отношения к разного рода ненаучным выводам, которые зачастую основаны на случайном звуковом совпадении компонентов слов. Сведения о том, что язык – изменяющееся во времени явление, школьникам, разумеется, преподносятся, но чаще всего в виде попутных, дополнительных сведений, и эта фрагментарность, разумеется, создаёт благодатную почву для ненаучных рассуждений на лингвистические темы. Одна из попыток преодолеть указанное противоречие предпринята в образовательной программе «Школа 2100», в перечне изучаемых тем здесь обнаруживается даже раздел «Этимология» (8 класс), но, конечно, в этом разделе даются лишь краткие сведения о причинах деэтимологизации, об этимологических словарях, представлено также несколько этимологических справок, но поскольку основа основ этимологии – историческая фонетика и фонология – не предполагается (да и не может предполагаться!), эти сведения с точки зрения их практической полезности для формирования исторического подхода к фактам языка носят всё тот же «декоративный» характер.

Наибольшая систематизация историко-лингвистических сведений, как показывает анализ учебников, созданных в рамках

образовательной программы «Школа 2100», наблюдается в тех разделах, которые призваны сформировать у школьников представления о генеалогической классификации языков. Материал изложен в традиционном для школы концентрическом ключе, предполагающем повторение и расширение знаний на всех этапах обучения, а в учебнике «Русский язык» для 10 класса полученные ранее сведения углубляются и систематизируются в теоретическом материале. Рассмотрим, как проходит углубление сведений на примере понятия о старославянском языке. Первые сведения об этом языке учащиеся получают на уроках чтения и первоначального курса истории ещё в начальной школе, затем в 5 классе основной школы, однако это понятие просто обозначено, но никак не объясняется. Так, в учебнике 5 класса при объяснении значения слова *искусный* даётся справка о том, что это слово восходит к старославянскому *искус* (и *искус*) – испытание, опыт; толкование современного значения дано после исторической справки и связано с ней (искусный – значит прошедший испытание, хорошо знающий своё дело, умелый).

Первое развёрнутое объяснение этого термина обнаруживаем в учебнике 6 класса, оно включено в изучение темы «Заимствованные слова», где даны сведения о том, что старославянский язык – это форма книжного языка, он был создан в IX веке просветителями Кириллом и Мефодием с целью перевода богослужебных книг на понятный славянам язык. Он вобрал в себя духовные начала этого книжного наследия. В церковнославянском варианте этот язык пришёл на русскую землю, с ним пришло богослужение, и со временем вся духовная сторона старославянского языка растворилась в народной основе русского языка и преобразовала его. К тексту этой информации можно предъявить ряд претензий. Во-первых, как представляется, шести-класснику не очень понятны слова о духовных началах книжного наследия и о растворении её в народной основе русского языка. Во-вторых, не богослужение пришло с языком, а, наоборот, язык пришёл в связи с богослужением. Однако несмотря на все недочёты, данный текст сообщает важнейшие сведения об особом характере старославянского языка, о том, что он не является предком русского языка, о том, что русский литературный язык развивался под большим влиянием старославянского; важно

только, чтобы учитель расставил необходимые акценты, что, к сожалению, не всегда бывает.

В 10 классе даны признаки слов старославянского происхождения, а также тексты на старославянском языке (из книги Экклезиаста) в старославянской графике и начальные строки «Слова о полку Игореве», написанные современным гражданским шрифтом. При этом дано задание перевести тексты (есть ключи). Учебник 10 класса содержит также сведения об основных этапах эволюции русского языка и довольно пространственный параграф по истории русского письма. Остановимся на этой теме подробнее.

Графика – это ещё один раздел, которому уделено серьёзное внимание в программе «Школа 2100»: впервые кириллица появляется в программе 2 класса, а затем так или иначе сведения о ней повторяются. Однако учебники демонстрируют порой досадные погрешности. Так, в некоторых случаях наблюдается неоправданный буквенный разнобой. Так, например, в учебнике 5 класса обнаруживаем написание существительного *глаголь* с использованием современного гражданского шрифта, а в слове *глаголати* суффикс *-а-* зачем-то выделен кириллическим шрифтом.

Есть и откровенные недоразумения. Так, в учебнике 8 класса в разделе, где даны развёрнутые сведения об алфавите, обнаруживаем сведения о букве «ижица», но при этом вместо ижицы дано начертание другой буквы «червь».

Не удалось избежать несообразностей и в итоговом изложении темы (учебник 10 класса). Буква «юс малый» в кириллическом начертании объявляется буквой глаголицы, а буква «оть» называется «омегой».

Этот довольно беглый обзор показывает, что изложение тем, связанных с историей русского языка, требует очень тщательной проверки и часто нуждается в исправлении.

Коррекции требует также материал, связанный с классификацией славянских языков современности. Не в той его части, которая связана с собственно классификацией, а в той, где явно наблюдается фактическая ошибка в фоновом материале. Так, в учебнике 7 класса по поводу южнославянских языков указано, что к ним относятся языки народов Югославии – государства, которое прекратило своё существование в 2006 году.

Таким образом, школьная программа формирует первоначальные представления преимущественно общекультурного содержания. Что касается собственно истории языка, то она не представляет собой системно изложенного материала. При этом вряд ли стоит упрекать за это авторов учебников. Историю русского языка невозможно полно и системно изложить в рамках школьной программы по целому ряду объективных обстоятельств. Среди них отметим такие серьёзные причины, как необходимость учёта возрастных особенностей школьников, ограниченность учебного времени и, разумеется, сложность материала. Известно, что наибольший интерес у носителя языка вызывает история отдельных слов, фразеологических оборотов, топонимов, антропонимов, а все научные рассуждения по названным разделам немыслимы без сформированных и отточенных представлений о закономерностях исторической фонетики, изучать которую в школе можно лишь фрагментарно в старших классах, причём в рамках элективного курса. То есть всеобщей «прививки» от лжелингвистики школьный курс русского языка дать не в состоянии по объективным причинам. Попытки увеличить объём исторических сведений, на наш взгляд, ничего полезного не дадут, поскольку четыре этимологических справки вместо двух не способствуют формированию системных представлений об исторической эволюции русского языка. Тех сведений, которые уже имеются, вполне достаточно для пробуждения познавательного интереса у тех школьников, которые обнаруживают склонность к филологическому знанию. Требовать большего от школьного курса русского языка невозможно. Представляется в связи с этим, что историческое знание в школьном курсе следует преподносить не только «для общего развития», но и для формирования языкового чутья, языковой наблюдательности, т.е. для развития лингвокреативной личности.

Другими словами, как нам представляется, проблему следует решать не столько за счёт увеличения количества фактического материала, объясняющего какие-то изменения с позиций диахронии, сколько за счёт привлечения внимания к такому явлению, как языковая система, причём это можно делать уже на самых ранних этапах обучения в школе, поскольку «система заучивается гораздо раньше, чем норма: прежде чем узнать тра-

диционные реализации для каждого частного случая, ребёнок узнаёт всю систему возможностей, чем объясняются его частые «системные» образования, противоречащие норме и постоянно поправляемые взрослыми» [Косериу 1963: 237]. Говоря о внимании к языковой системе, мы имеем в виду не столько теоретические рассуждения по данному вопросу, сколько элементарную языковую наблюдательность, которая присуща детям в процессе овладения языком. При этом, как представляется, чрезвычайно важно не только то, что ребёнок, изучая родной язык, учится нормативной речи, отличать правильное употребление от ненормативного, но и то, что ему дают возможность увидеть роль ненормативного, неправильного явления в создании языковой игры. Удачей учебников программы «Школа 2100» является внимание к феномену языковой игры, которое комментируется уже в начальном звене обучения русскому языку. Эти сведения подаются в учебнике по-разному. Есть традиционная подача, выстроенная по схеме: теоретические сведения – иллюстрация – задание, которое можно выполнить по образцу, данному в рассуждении. Так, в учебнике для 4 класса обнаруживаем сведения о таком явлении, как каламбур, и задание найти и объяснить каламбур Н.В. Гоголя «Ноздрёв был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории» [Бунеев и др. 2002: 61-62]. Другой тип упражнений предполагает наблюдение над языковым материалом и сопровождается заданиями с такой формулировкой: *Прочитай текст. С какими утверждениями автора ты согласен?* Приведём текст одного из таких упражнений.

Если в каком-нибудь учебнике вы читаете, что транскрипция – это «международная система записи звуков определёнными знаками, символами», то уверен, что, кроме скуки, Транскрипция ничего у вас вызвать не сможет. Но поверьте, это не просто «международная система». Если бы я был писателем и меня спросили, что же такое Транскрипция, я написал бы примерно следующее: «Транскрипция – это записанная на бумаге Музыка Английской Речи, это ноты такого замечательного произведения, каким является Английский Язык. Это инструмент, с помощью которого вы сможете извлекать Чудес-

ные Английские Звуки. Даже в самом слове Транскрипция есть что-то от скрипки» (По В. Шеварденидзе) [Бунеев 2002: 15].

Несомненной удачей такого рода упражнений является их комплексный характер: данный текст позволяет увидеть изобразительно-выразительные возможности графики, использование такого приёма, как сравнение, а кроме того, в тексте дан пример языковой игры на основе фоносемантического сближения (*транскрипция – скрипка*). Важно то, что в данном тексте наблюдается большое количество маркеров ненаучности такого сближения (*если бы я был писателем; есть что-то от скрипки*), которые позволяют школьнику ответить на вопрос о том, что перед нами, конечно же, не научная этимология, но автор делает этот ход осознанно, следовательно, это явление нельзя трактовать как ошибочное, поскольку перед нами пример языковой игры.

Сформированные представления о существовании не только истинной или ложной этимологии слова, но и о языковой игре, дополненные формированием такого компонента лексикографической компетенции, как умение читать этимологические словари, позволит в рамках существующих программ подготовить школьника к осторожному отношению к рассуждениям псевдоэтимологов. Формирование этих представлений способствует развитию лингвокреативной языковой личности, способной при необходимости различать научный и ненаучный подход к истолкованию различных языковых явлений.

Литература

Бунеев Р. Н. и др. Русский язык: учебник для 4 класса (1-4). – Изд-е 3, испр. – М., 2002.

Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике/ Андрей Зализняк. – М., 2009.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М.: Прогресс. – С. 125-343.

Образовательная система «Школа 2100»: Сборник программ. Дошкольное образование. Начальная школа / Под науч. ред. Д.И. Фельдштейна. – М., 2010. – 336 с.

Образовательная система «Школа 2100»: Сборник программ. Основная школа. Старшая школа / Под науч. ред. Д.И. Фельдштейна. – М., 2010. – 320 с.

©Щербакова Н.Н., 2011